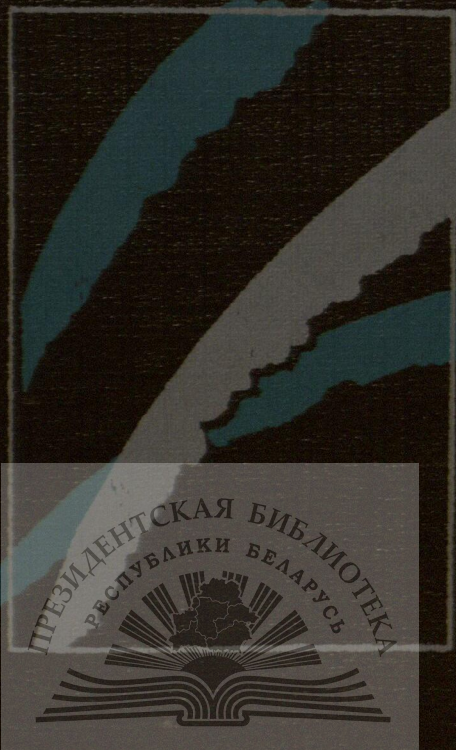

329 13

8-49

Владимир Якутов

ПЕТР
МАШЦЕРОВ

1988

329.13 (476) (092)

— Владимир Якутов

Я-49

ПЕТР МАШЕРОВ

Художественно-
документальная
повесть

4/3

МИНСК

• РУСЬ БЕЛАЯ •

1992

Президентская библиотека
Республики Беларусь

8 800000 191102

ББК 84Р7
Я 49

Владимир Якутов

РР-А

ПЕТР
МАШЕРОВ

Якутов В.

Я 49 Петр Машеров: Худож.-докум. повесть. — Мн.: МП «Русь Белая», 1992. — 272 с.: [8] л. ил.

В книге, наполненной богатым историческим материалом и иллюстрированной документальными фотографиями, с душевной теплотой и в занимательной форме ведется рассказ о жизни и деятельности Петра Мироновича Машерова, прошедшего нелегкий, но славный путь от простого учителя до комиссара партизанской бригады, от комсомольского работника до видного политического и государственного деятеля, завоевавшего любовь и признательность белорусского народа.

ББК 84Р7

Я 4702010201

© Якутов В. Д., 1992

НАЧАЛО ПУТИ

I

Среди перелесков и лугов, в излучине рек Оболянки и Лучесы, раскинулась небольшая деревня Ширки. Ее жители издавна занимались земледелием, кустарным промыслом, отходничеством. Некоторые крестьяне подрабатывали на железной дороге, которая пролегает рядом, кое-кому удавалось устроиться в Витебске, Богушевске или Сенно. Земли здесь малопродуктивные, подзолистые и супеси. Да и таких приходилось в обрез. Особенно трудно было многосемейным. К их числу относился и Мирон Машеров. Он женился по любви на красавице из соседней деревни Замосточье. Его не испугало, что Дарья была сирота и безземельная и, естественно, бедная. «Была бы любовь, а богатство никуда не уйдет», — отшучивался Мирон. Но от этого жизнь не становилась легче. Приходилось трудиться по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Выручали смекалистость и навыки, привитые трудолюбивым и мастеровым отцом Василием. Мирон умел плотничать и слесарничать, и столярничать, выделывать овчины и шить полушубки. Это сильно выручало семью. Дарья как могла помогала мужу. Она тоже могла шить и кроить, ткать полотно и многое другое. Вдвоем они, недосыпая, изготовляли иногда в неделю по два-три полушубка. Шили еще армяки, тужурки, поддевки, тулупы и прочую немудреную крестьянскую одежду.

— Хватит, Мирон, на сегодня, — ласково просила обычно Дарья, видя, как устал муж. — У Бога, ведь, дней много.

— Но наши все коротки, — говорил, вздыхая, Мирон. — Поэтому и приходится работать ночами. Еще с часок поколдую. — Он внимательно смотрел на милые черты жены. — Дарья, ты иди, отдыхай.

Дарья, не обращая внимания на эти слова мужа, снова принималась за работу. Она, усмехнувшись, уточняла:

— Если уж отлынивать, то вдвоем. Ведь тебе тоже не легче.

— Что правда, то правда, — соглашался Мирон.

Так было во всем: малом и большом. Они шли по жизни, преодолевая все невзгоды, дружной и прочной парой. Даже в самых незначительных вопросах Дарья спрашивала совета у мужа, старалась найти лучший выход из экономических трудностей. А они наступали постоянно: если удавалось свести концы с концами в пропитании семьи, то тут же образовывалась прореха с одеждой и обувью. Взрослым можно было еще кое-как перебиваться, латая и поправляя старое. Хуже дело обстояло с детьми. На Матрене, например, прямо все рвалось на глазах. К тому же она быстро росла, и то, что еще можно было надеть, не налезало на нее.

— Моя ты родненькая, — целовала Матрену мать, — прибываешь ты, слава Богу, на радость нам. Но вот где тебе теперь купить платье?..

— Не горюй, жена, — успокаивал Дарью Мирон. — Перешью свою рубаху. Он вынул из сундука сиреневого цвета роскошную кашемировую рубашку и, примеряя ее на дочери, гордо заявил: — Выйдет платье и кофточка.

— Ой, Мирон, сильно дорогая вещь, — усомнилась жена в его затее.

— Для детей ничего нельзя жалеть, — парировал Мирон. — А ты меня и такого будешь любить.

Дарья крепко обняла мужа, а шестилетняя Матрена повисла на шее у отца.

— У меня будет новое платье, — лепетала она. — Но-о-о-вое платье!

Родители тоже радовались и смеялись, словно обновка предназначалась для них.

Вскоре Мирона Васильевича забрали в армию, которой требовались все новые и новые солдаты для ненасытного чрева войны.

Дарья решила устроить проводы. Муж сначала воспротивился, но позже, передумав, согласился.

— Все-таки иду не на заработки, на проклятую бойню, — грустно сказал он.

Стол получился хотя и скромный, но довольно приличный: сало и соленые огурцы, копченая колбаса и квашеная капуста, тушеная картошка и грибы, масло и сыр. Брат Михаил, который жил рядом в одном дворе, принес свежую телятину и четверть водки, а его жена — две

булки белого пшеничного хлеба. Когда все расселись за столом, Михаил предложил тост:

— Желаю тебе, дорогой мой брат, удачной службы и скорого возвращения домой. Постарайся остаться целым и невредимым. Были еще тосты за здоровье Дарьи Петровны, детей, Михаила, сестер и всех родных и близких. Потом разговор перешел на прозаичное житейство, какой предполагается урожай и холодной ли будет зима, и в связи с этим много ли потребуется корма скоту.

Старший Машеров, будто бы угадывая настроение остальных, запел грустную песню:

Все бело вокруг,
Землю снегом замело.
Подсажи, мой друг,
Куда счастье ушло?

У холодной зимы
Дни короче стали.
Зачем разлучаемся мы,
Любви не зная.

Дарья затянула своим приятным контральтом припев:

Розы алые,
Почему вы колючие?
Глаза усталые,
Раны болючие.

Ее подхватили Мирон и Михаил и другие гости.

Глаза усталые,
Раны болючие.

Наутро Мирон Васильевич уже ехал в Витебск на призывной пункт. Вскоре он был отправлен на фронт.

Дарье, одной, пришлось очень трудно. Все легло на ее хрупкие плечи. Что при муже казалось сущим пустяком, ныне выросло в целую проблему. Взять хотя бы приготовление корма лошади и корове. Мирон с этим хлопотным делом управлялся быстро. Лишь резка сечки из соломы занимала больше времени. Зато он запасался ею на целую неделю! Спасибо Михаилу, который эту нелегкую работу, как кормление скота, заготовку дров, воды взял на себя. Ко всему прочему добавилась еще одна непредвиденная трудность — давало о себе знать пошатнувшееся здоровье. Почувствовала Дарья себя плохо после рождения Павла. Сначала наступало какими-то волнами недомогание. Оно то приходило, то снова улетучивалось. Дарья, оптимистка по натуре, считала это непременно после-

родовым явлением. Поболит, мол, поболит и пройдет. Однако все пошло совсем иначе. Болезнь свалила Дарью с ног и неизвестно чем бы это окончилось, если бы не оказанная квалифицированная помощь местным врачом, которого привез из Сенно Михаил Васильевич. Врач, осмотрев Дарью, покачал головой:

— Сильно много упущено времени. Но, думаю, поможет Бог и ее молодой организм.

— И вы, многоуважаемый доктор, — добавил старший Машеров.

— Само собой, — согласился с ним опытный старый врач и принялся за свое дело. Благодаря его усилиям и лекарствам, а также большой силе воли пациентки, здоровье пошло на поправку. Дней через пять Дарья встала на ноги, а еще через неделю она уже потихоньку управлялась по дому.

— Не очень утруждай себя, Дарьюшка, — предостерегал золовку Михаил Васильевич, который с женой делал все по хозяйству младшего брата.

Вскоре Дарья совсем окрепла, в ей больше не составляло труда накормить и напоить скот, приготовить пищу семье, сходить за водой. Маленькая Матреша, сразу повзрослев на несколько лет, возилась с Павлушей, подавала на стол, мыла посуду и цоли в доме, управлялась с множеством прочих обязанностей, которые значительно облегчили заботы матери.

— Дорогая ты моя, — пчелка-труженица, — целовала Дарья дочь, укладывая ее пораньше спать. — Что бы я делала без тебя?

— Завтра я еще больше смогу сделать. Вот увидишь, мама, — обещала Матреша и тут же засыпала.

Неоценимым лекарством для Дарьи были письма мужа с фронта. Они были все с юмором, какие-то задиристые и вселяли надежду. Сама Дарья была неграмотной, а муж, окончивший четыре класса, писал обо всем подробно, с толком и умом. Поэтому его душевные послания читали обычно почти всей деревней. Свои письма Мирон неизменно кончал: «...Остаюсь жив и здоров, чего и тебе, дорогая женушка, желаю. Береги себя, детей. Скоро вернусь. Низко кланяюсь брату Михаилу, сестрам, всем близким и знакомым. Да хранит вас Бог».

Набожная Дарья Петровна крестилась и просила святого Павла сохранить ей любимого мужа. Ее молитва

дошла, наверно, до назначения. Мирон Васильевич остался целым и невредимым. Через некоторое время он возвратился домой.

II

Ушла в прошлое первая мировая война, унесшая в могилу миллионы людей. Прогремели по всей России залпы Октябрьской революции, не оставив в стороне и Витебщину. Советская власть быстро была установлена во всех волостях Сенненского уезда. Потом были кровавые годы гражданской войны и иностранной интервенции. И все это трудное время Мирон Васильевич твердо стоял за новую власть трудового народа. Он делал все, что мог, для народившегося в невероятно тяжелых муках государства рабочих и крестьян.

Вскоре в его семье появился на свет сын Петр. Родился он 13 февраля 1918 года. Имя ему дали в честь отца матери, а когда крестили, батюшка, нарекая младенца, многозначительно произнес:

— Божьей милостью станет великим человеком.

Верующая Дарья Петровна до глубины души приняла столь значительные слова священника. Она то и дело крестилась и повторяла: «Помоги нам, Господи!».

Мирон Васильевич, отягощенный более земными заботами, щедро расплатился со священником за его труды.

Миرونу Машерову, конечно, было приятно слышать о таком будущем своего сына, рождение которого он воспринял как отрадное и примечательное знамение. После долгих военных лихолетий, военного коммунизма с его изнуряющей разверсткой наступила политическая оттепель. Мужуку, сдавшему определенную государством норму натурального налога, можно было свободно располагать своим собранным зерном. Это резко подняло настроение крестьян в пользу Советской власти и увеличило приток хлеба, а за ним мяса и молока городу. Лично братья Машеровы смогли в короткое время продать на рынках Витебска и Сенно по несколько центнеров ячменя и овса, гороха, а еще через год у них появились излишки ржи и яровой пшеницы. Михаил и Мирон, люди трудолюбивые, быстро стали получать выгоду из своей земли. К тому же их наделили новыми десятинами пахотных и сенокосных угодий. Правда, это были небольшие клины, но они стали заметным дополнением к небольшому

крестьянскому хозяйству Мирона Васильевича Машерова. Поднялось и общее настроение как крестьян села Ширки, так и ближних и дальних деревень. Вообще, когда мужики получили от государства бесплатно солидные куски земли, их будто бы подменили. Они, став истинными хозяевами, что-то строили, ремонтировали, модернизировали, продавали, покупали, меняли, наводили лоск на старые дома, возводили доселе невиданные кирпичные здания, вступали в кооперативы, которые охотно помогали крестьянам денежными ссудами, сельхозмашинами, удобрениями, семенами и многим другим. Повсюду царило вдохновение, поиск нового, доброжелательное отношение друг к другу. Очень популярной стала толока, то есть взаимопомощь в строительстве жилья, амбаров, сараев, бань. А сколько возводилось сообща школ, мостов, больниц, строились дороги. Мирон и Михаил Машеровы не отставали от других. И у них были отремонтированы сараи, пристроены утепленные чуланы, переоборудованы склепы и овины, перекрыты заново два хлева и половина дома Михаила. И во всех этих хлопотных делах добровольно укладывали свой труд односельчане. Оказание помощи соседу стало неписанным правилом. Казалось бы, откуда у людей появилось лишнее время? Ведь земля прибавила много дополнительных хлопот. Но оказалось, что свобода и личная ответственность удвоили и утроили человеческие силы. Творческий потенциал крестьян повысился минимум в три раза по сравнению с тем, когда они не являлись полными хозяевами столь солидных наделов. Трудно описать радость Мирона Васильевича и его соседей, когда им вручили бумагу с гербовой печатью Советской власти о бессрочном и бесплатном владении землей.

Восторги и слезы, песни и шумные разговоры, застолья и молебны — всего не перечесать. Крестьяне, получив как с неба свалившиеся наделы, обходили их по нескольку раз, брали горсть земли, нюхали ее и благодарили всевышнего и столь мудрую и щедрую власть.

Мирон Машеров лег у своего надела и тихо заплакал. Дарья Петровна, испугавшись, мигом понесла ему бутылку пшенной водки и целую гору закуски. Самое удивительное, что почти непьющий муж на сей раз осушил почти всю бутылку, а остальное допила сама хозяйка. Оба были настолько возбуждены, что нежданно-негаданно затянули свою давнюю и любимую песню:

Родная земля-землица,
Дар Божий святой,
Чудной искры криница,
Люди довольны тобой.
Забудем душевный недуг,
Присядем, чуть помолчим.
Оглянемся шире вокруг,
Вспомним прошлое, погрустим.

Мирон Васильевич, крепко обняв прислонившихся к нему троих детей, бодро продолжал мелодию:

Оглянемся шире вокруг,
Забудем душевный недуг.

Дарья, подняв вверх младшего сына, радостно воскликнула: «Расти большим и счастливым».

Мирон, улыбаясь, дополнил:

— Умным и совестливым.

Набожная Дарья Петровна перекрестила Петю, потом — Матрешу, Павлушу и, немного подумав, проделала эту процедуру и мужу. Потом вся семья веселой гурьбой направилась к дому.

День за днем текла жизнь и маленького Пети. Под заботливыми руками родителей, старших сестры и брата он рос и набирался сил и ума. Эти годы, наверное, были самые счастливые в его жизни. Да и что можно лучшее представить ребенку, чем ласку и доброту счастливых родителей. А Мирон и Дарья были поистине счастливыми супругами, ибо их соединяла прочная всеисцеляющая любовь. К тому же общественно-государственная политика способствовала проявлению небывалой радости, ощущению счастья, она дала возможность труженику свободно распоряжаться плодами своего труда, быть хозяином своей земли и своей судьбы. А это — доминанта всей сути крестьянского бытия. Недаром Мирон Васильевич то и дело повторял: «Сбылись вековые мечты наших предков о земле!»

Если бы знал Мирон, что через десять лет эти голубые грезы превратятся в горькие слезы, а все крестьяне одним ударом диктатора будут лишены и земли, и свободы и станут рабами так называемого колхозного строя, а его самого сошлют в сталинский лагерь, откуда он не вернется.

Но пока о таком страшном будущем не могло присниться и в кошмарном сне! Все упивались свободой земледельцев, действенных участников сельскохозяйственной и кустарной кооперации, активных помощников волост-

ных и уездных Советов, которые вскоре преобразовались в сельские и районные Советы.

Мирон Васильевич был членом правления местной сельхозкооперации и всячески содействовал землякам в получении кредитов, техники или семян. По его инициативе в Ширках организовали совместную покупку молотилки и веялки для очистки семян, а также приобрели сенокосилку. Кооператив охотно давал на прокат плуги и культиваторы, бороны и соломорезки, которые в те годы стоили очень дорого. Например, один лемех стоил несколько пудов отборного зерна, а плуг достигал цены теленка. Так что, сдавая в аренду или на прокат сельскую технику, кооператив неплохо поддерживал экономику каждого крестьянского двора.

Человек довольно практичный, Мирон Машеров не оставлял своего кустарного ремесла. Правда, эти ремёсла выходили уже из моды. Заказов было невпроворот. Выручали жена, Матреша и Павлуша. Они, каждый по мере своего умения, делали определенные операции. Матреша, например, хорошо справлялась с пришивкой пуговиц и небольших врезок, а также подбором соответствующих ниток. Зато Павлуша, хотя и не питал страсти к шитью, но заправски подносил овчины, полотно, нагревал утюг и даже готовил отцу крепкий, заваренный малиновыми листьями, чай.

Дарья Петровна сама с большим старанием, уверенно и прочно вела строку главных швов, ибо от этого зависело качество и ценность всего процесса работы. Понятно, что раскрой делал сам Мирон Васильевич. Он подходил к исходному материалу строго индивидуально, имея в виду и саму фактуру его и характер будущего хозяина. Прежде чем начать такое ответственное дело, главный портной советовался с заказчиком. Если ему говорили:

— Шей, Мирон, как получится, — то он, не раздумывая, строго предупреждал:

— Любая вещь должна украшать человека, а одежда — тем более. Да и не такие мы неразборчивые, чтобы носить дурно сшитое.

Как правило, заказчик соглашался с такими вескими доводами и уже предлагал иное:

— Тогда сделай этот кожух чуть поуже, чтобы в нем можно было и малость пофорсить.

Мирон громко смеялся и довольным голосом предлагал:

— Советую купить коричневые пуговицы и подобрать

другую овчину для воротника. Если у тебя нет, то я найду сам.

Заказчик уходил довольный, но еще больше ему приносил радости сшитый тулуп. За свою работу Мирон брал недорого и большей частью натурой: салом, мясом, яйцами, мукой, сеном — кому чем выгодно. Кроме оплаты за работу крестьяне приносили что-либо и лакомое для детей: мед, конфеты, яблоки, собственного изделия колбасы, пироги или баранки. Естественно, в первую очередь вкусные подарки попадали Пете. Он радовался им и неизменно делился с сестрой и братом. Ему, как и родителям, были присущи бескорыстие и доброта, нежность и доверчивость, общительность и уступчивость. Петя мог, не раздумывая, отдать самую интересную и любимую свою вещь или игрушку другому, если его об этом просили. Мирон Васильевич и Дарья Петровна всячески одобряли и поддерживали такие поступки своих детей.

— Добросердечие — это большой дар, — обнимая Петю, радовалась мать. — Доброе дело и в воде не тонет. Оно век не забывается.

Детство Пети Машерова, формирование его характера проходили в самой благоприятной среде. Становление всей сути его личности опиралось на прочный фундамент честной, трудолюбивой и прекрасной семьи белорусских крестьян, исконных потомков нестигаемого славянского племени. О значении истинной роли семьи в воспитании детей П. М. Машеров, уже будучи на высоком партийно-государственном посту, напоминал многократно.

«Для советского общества небезразлично, — писал Машеров, — как складываются отношения и поведение людей в широкой и многообразной сфере быта. Поэтому более пристального внимания требуют вопросы семейного воспитания, особенно в тех семьях, морально-психологический климат в которых не способствует утверждению в сознании детей высоких принципов нашего общества. Разумеется, нельзя утверждать, что родители не хотят видеть в своих детях духовно богатых, нравственно чистых людей — настоящих патриотов своей Родины. Но как воспитать такие качества, не все отцы и матери хорошо знают. Часть из них в силу педагогической неосведомленности и слабой подготовки попросту не справляются со своими воспитательными функциями. Другие — целиком перепоручают воспитание детей бабушкам, дедушкам и школе. Третьи — нередко портят их укоренившейся

мещанской психологией, калечат детские души дурными примерами...

Скажем прямо: многие семьи создают тепличные условия для детей, своих лапушек, выполняют любой их каприз и невольно способствуют формированию у них потребительских замашек, облегченного отношения к труду, общественным обязанностям. Затем это нередко списывается на трудновоспитуемость некоторых подростков».

П. М. Машеров правильно считал, что нет трудно-воспитуемых, а есть дурно воспитанные родителями дети. Эту истину будущий учитель вынес из собственного детства. Она подтверждается практикой. Но мы, однако, забежали вперед от того момента, когда наш главный герой еще и сам только начал постигать азы грамоты и тайны воспитания. Мирон Васильевич и Дарья Петровна очень хотели видеть своих детей образованными. Снаряжая Петю в школу, отец повторял известную поговорку: «Кто хочет много знать, тому надо мало спать». Он крепко обнимал сына и напутствовал: «Счастливой тебе дороги и попутного ветра!»

ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

I

Ранняя осень позолотила листья клена и берез, величаво стоявших недалеко от дома Мирона Машерова. Уже покрывались багрянцем вишневые деревья и кусты крыжовника, поникли краски в огороде и саду. За околицей, ближе к перелеску, виднелись копны недавно скошенной отавы, где-то рядом заводили прощальные песни отлетающие в теплые края птицы. Кругом, сколько окинуть глазом, до самого горизонта расплывалась чарующая тишина и прелесть природы. Солнце еще ласково прогрело землю. Все крестьяне ходили налегке и босиком. Не делалось исключение детям-школьникам. Их малость принарядив в лучшие рубашки и штаны, отправляли за получением знаний без обуви. И это было не потому, что люди жили бедно. Каждый крестьянин мог бы купить пару-другую детских ботинок. Но их пока в Сенно и Богушевичах никто не продавал. А если и находились какие-нибудь туфельки или полуботиночки, то их берегли

к холодным дням. Да и дети были к этому приучены. Зимой они носили лапти, чуни, валенки собственного изделия. Вообще каждый старался обходиться минимумом покупного, ибо оно стоило невероятно дорого. К тому же действовала рациональность ума крестьянина — если можно без чего обойтись, то и сам Бог велел!

Петю Машерова тоже послали в школу без какого-либо особого наряда. Дарья Петровна сшила ему новую рубашку из клетчатого сатина и льняные брюки, окрашенные в коричневый цвет, а также изготовила узорчатый пояс. Отец сделал из ясеня добротный пенал и смастерил замысловатую кожаную сумку с двумя ремнями. Она была вместительная, состояла из трех отсеков, каждый из которых вмещал по две-три книги или добрый кусок хлеба. Туда можно было вместить шапку и мячик, варежки и бутылку молока, разные мальчишеские игрушки и даже вещи одноклассника. Одним словом, эта сумка явилась плодом практической мудрости Мирона Васильевича. Ко всему прочему, она выдерживала не совсем деликатное обращение с ней ее хозяина и его шустрых и неумных товарищей. Лишь со временем бока ее сильно стали блестеть, долгие годы она служила Пете.

Расстояние от Широка до деревни Бельки, где находилась начальная школа, составляло чуть больше двух километров. В зависимости от настроения и погоды, ученики проходили его минут за двадцать-тридцать. Иногда случалось, что ребята, заигравшись, опаздывали на уроки. Часто в их числе оказывался и Петя.

— Опять Машеров проспал, — однажды недовольно процедил сквозь зубы учитель.

— Совсем наоборот, — не соглашался ершистый питомец. — Поднялся я рано, да вот зазевался в пути.

Он, сделав рожицу классу, невинно задрал голову к потолку. Все громко смеялись, не исключая учителя, который добродушно относился ко всякого рода выдумкам и шалостям своих подопечных.

— Ладно, Петя, в следующий раз, когда будешь зевать, сильно не раскрывай рот, — иронически посоветовал он Машерову. — Иначе туда попадет какая-либо козявка с жалом.

— Ну и что? — воскликнул бойкий ученик. — Я ее просто съем.

— Не успеешь, — усомнился наставник, — одолеет сильная боль.